

Айдар Султанов, кандидат юридических наук, Заслуженный юрист Республики Татарстан, Руководитель представительства «Пепеляев Групп» в Республике Татарстан

Проект «Некоторые шаги по возрождению доверия в обществе, через формирование недопустимости лжи в суде»

Описание проблемы:

1) Рост лжи в судебных процессах порождает все большее недоверие суда сторонам в споре. В результате безнаказанности лжи в процессе растет количество искушений обмануть в суде, чтобы выиграть. Среди предпринимателей также растет количество «бизнесменов» готовых «кинуть» партнеров. Ведется огромное количество процессов с одной лишь целью – затянуть взыскание задолженности.

2) Наибольшее количество споров, продолжающих расти – это банкротные споры. Можно утверждать, что именно в банкротных спорах аккумулируется большое количество злоупотреблений. Банкротные споры это и попытка кинуть партнеров и вывести активы, и попытка передела собственности, корпоративные конфликты, и попытка нажиться за счет процедуры, сопровождаемое фальсификацией доказательств, созданием фейковых задолженностей. В основе всех этих явлений лежит злоупотребление доверием и ложь.

Задача проекта:

Поскольку искоренение лжи в обществе - это хотя и желательная ситуация, но более чем глобальная проблема. Соответственно, предлагаем начать другой не менее сложный проект «Создать в судах нетерпимое отношение к лжи в суде».

Первые шаги данного проекта должны быть сделаны даже не в высших учебных судебных заведениях, где готовят юристов, а школьных и может быть дошкольных учреждениях, поскольку ко

времени обучения в высших учебных заведениях, человек уже приобретает моральные установки, в том числе, оправдывающие ложь

Поэтому первые шаги должны быть направлены на разработку лекций, основанных на конкретных примерах, о недопустимости лжесвидетельствования – лжи в судах.

Следующие шаги – это изучение и организация диспутов по небольшой работе И. Канта «О мнимом праве лгать из человеколюбия» (приложение №1), в качестве обязательной части подготовки юристов и при подготовке других специалистов и бакалавров при изучении философии.

Как справедливо замечал В.С. Соловьев, «ни один философ до Канта не утверждал, что основополагающая заповедь «не лги» есть одновременно и «источник права», всякого права, «основанного на договорах»¹.

Мы вынуждены ограничиться весьма кратким рассмотрением идей И. Канта, вокруг которых по настоящее время до сих пор не утихают споры.

«Правдивость в показаниях, которых никак нельзя избежать, есть формальный долг человека по отношению ко всякому², как бы ни был велик вред, который произойдет отсюда для него или для кого другого; и хотя тому, кто принуждает меня к показанию, не имея на это права, я не делаю несправедливости, если искажаю истину, но все-таки таким искажением, которое поэтому должно быть названо ложью (пусть не в юридическом смысле), я нарушаю долг вообще в самых существенных его частях: т.е. поскольку это от меня зависит, я содействую тому, чтобы никаким показаниям (свидетельствам) вообще не давалось никакой веры и чтобы, следовательно, все права, основанные на договорах, разрушались и теряли свою силу; а это есть несправедливость по отношению ко всему человечеству вообще. ...Определение лжи, как умышленно неверного

¹ Соловьев В.С. Категорический императив нравственности и права. М. 2005. С. 80.

² Сноска, сделанная И. Кантом: «Здесь я не могу довести свое положение до такой остроты, чтобы сказать: «Неправдивость есть нарушение обязанности к самому себе». Ибо оно относится уже к этике; а здесь речь идет о правовой обязанности. Учение о добродетели видит в этом нарушении только полную негодность, обвинение в которой лжец на себя навлекает».

показания против другого человека, не нуждается в дополнительной мысли, будто ложь должна еще непременно вредить другому, как этого требуют юристы для полного ее определения (*mendacium est falsiloquium in praejudicium alterius*). *Ложь всегда вредна кому-нибудь, если не отдельному лицу, то человечеству вообще, ибо она делает негодным к употреблению самый источник права*³.

В. С. Соловьев обратил внимание на этот момент, который на наш взгляд, весьма важен поскольку речь идет об источнике права. И. Кант использовал в своей статье заповедь «не лги», однако не указывал ее в качестве источника права, а лишь указал, что «ложь делает негодным к употреблению самый источник права». Полагаем, что Кант здесь имел в виду в качестве источника права «доверие» - «*fides*»⁴.

«*Fides*»⁵ - [вера, доверие], собственная честность и доверие к чужой честности, верность данному слову, нравственная обязанность всех людей [и следовательно, не зависящая от римского гражданства] выполнять свое обязательство, в чем бы оно ни выразилось. Поэтому *fides* стала опорой всех правоотношений между гражданами и негражданами Рима. [- *ius gentium*] и одним из основных творческих элементов римского правового мышления⁶.

Современные исследователи подчеркивают, что «*fides*» означает веру и доверие в смысле веры данному слову со стороны третьих лиц и доверие как соблюдение верности своему слову. Это первая грань, определяющая как бы нижний предел человеческих отношений с точки зрения римского воззрения на существующий порядок вещей. Вместе с тем без уважения к самому себе и своему честному слову в Риме не мыслилось ни одно правовое отношение»⁷. Считается, что *fides* является основой понимания норм римского права и как бы опорой всех правоотношений в Риме. Оно олицетворяет собой ожидание правильного поведения и тем самым выполнения данных обещаний и

³ Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия //Трактаты и письма. М., 1980. С. 232-237.

⁴ Российскому юристу более известен термин «*bona fides*» - «добрая совесть», который произошел от *fides* .

⁵ Не можем не отметить, что в Древнем Риме *Fides* — это также богиня согласия, верности.

⁶ Бартошек М. Римское право: (Понятие, термины, определения). М., 1989. С. 131-132.

⁷ Карлявин И.Ю. Методологическое значение категорий *fides* (совесть) и *bona fides* (добрая совесть) в римском частном праве//*Lex Russica*. N 1. 2015 г.

корреспондирующее этому доверие тому, что обещание будет исполнено⁸.

Конечно же, мы здесь под источником права понимаем не нормативный акт, а скорей нечто, что вообще порождает право, откуда истекает⁹ само право, откуда право черпает силы для своего развития.

Как отмечают исследователи: «по своей сущности категория *fides* занимает место вне правопорядка, но она всякий раз вновь и вновь вторгается в правовую сферу, и под её непосредственным и решающим влиянием происходит формирование правовых предписаний. Это становится возможным благодаря развитию права и в ходе такого развития»¹⁰. Российские цивилисты также обращали внимание на то, что «доверие составляет необходимый элемент всякой сделки»¹¹. Безусловно, состояние доверия можно рассматривать как юридический факт или элемент юридического состава¹², поскольку утрата доверия может быть юридическим фактом для расторжения договорных отношений¹³. Доверие – это «предпосылка правового общения»¹⁴.

Мы позволили себе несколько углубиться в истоки поскольку, на поверхности разошедшиеся круги, взбудораженные волнами различных событий и интерпретаций с целью не прояснить, а объяснить, оправдать, покрытые пеной устоявшихся избитых клише, воспринимаемых за аксиомы, лишают возможности видеть ситуацию такой какая она есть.

⁸ Нам К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблема теории и практики. М.2019. С.13

⁹ Конечно же, термин «источник права» всего лишь метафора, которая все же позволяет отразить сущность явления. «...Если посмотреть на эту метафору с позиций сегодняшнего дня, то нельзя не признать, что она выражает и ту мысль, что закон не самодостаточен, что существует и еще некоторый фактор, который не только определяет, но в известном смысле и санкционирует закон» - Рубанов А.А. Понятие источника права как проявление метафоричности юридического сознания//Судебная практика как источник права. М.1997. С.45-46.

¹⁰ Waldstein W. Entscheidungsgrundlagen der klassischen romischen Juristen // Aufstieg und Niedergang der romischen Welt: Geschichte und Kultur Roms in Spiegel der neueren Forschung. B. 15. Herausg. von Hildergard Temporini und Wolfgang Haase. Berlin, Neu York, 1976. S. 68-69. Цит. По выше упомянутой статье И. Ю. Карлявина.

¹¹ Иоффе О.С. Советское гражданское право. Л.1958. С. 208.

¹² Коциоль Х. От обязательства на основании сделки к ответственности за утрату доверия // Вестник гражданского права. 2013. №5. С. 264-265, 271-281.

¹³ Гражданское право: Учебник. В 2 т. / Отв. ред. проф. Е.А. Суханов. Т. I. М. 2004. С. 337.

¹⁴ Дождев Д.В. Добрая совесть (*bona fide*) как принцип правового общения // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновления / отв. ред. В.С. Нерсесянц. М., 1996. С. 40.

А ситуация довольно проста – суд не создан для того, чтобы, действуя на основании лжи, выносить несправедливые далекие от правды решения, которые к тому же были бы обязательны для всех¹⁵.

Главная и единственная задача правосудия – охрана права в борьбе с неправдой¹⁶. Как справедливо отмечал В.А. Рязановский – «Государство существенно заинтересовано в том, чтобы действительный кредитор мог получить удовлетворение от действительного должника, и чтобы такое положение являлось общим правилом. Следовательно, процесс должен быть так организован, чтобы суд мог установить действительное отношение между сторонами, найти материальную правду»¹⁷.

Неправда – это, то, что разрушает доверие – основу общества. В том числе, и подрывает доверие к суду, который принимает ложь. Не говоря уже о том, что ложь разрушает и самого человека.

Прав был Кант, когда писал, что «неправдивость есть нарушение обязанности к самому себе». Современные философы - исследователи правды в отечественной мысли, отмечают, что «вследствие выявления логики становления и развития правды в отечественной мысли становится ясным, что данная идея является системообразующей в общественном сознании как в ценностном, так и его нормативном строе. По своей сути идея правды совпадает с идеей права»¹⁸.

Конечно же, последние цитаты имеют больше отношения к этике. Нельзя при помощи права сделать человека честным и правдивым. «Право в интересах свободы позволяет людям быть дурными, не вмешиваясь в их вольный выбор между добром и злом; оно только в интересах общего блага препятствует дурному человеку пребывать торжествующим злодеем, опасным для самого существования общества. Задача права вовсе не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в

¹⁵ См. подробнее Афанасьев С.Ф. Проблема истины в гражданском судопроизводстве. Дисс. канд. юрид. наук. Саратов. 1998; Докучаева Т. В. Гражданско-процессуальная доктрина истины в России конца XIX - XX веков (Историко-правовое исследование). Дисс. канд. юрид. наук. М. 1999.

¹⁶ Розин. Н.Н. Процесс, как юридическая наука// Журнал Министерства Юстиции. Октябрь 1910. С. 43.

¹⁷ Рязановский В.А. Единство процесса. М., 1996. С.34.

¹⁸ Уткин Г. Н. Идея правды в отечественной правовой мысли. Авторефер. дисс. канд. юрид. Наук. М. 2008 .С.10.

Царствие Божье, а только в том, чтобы он до времени не превратился в ад»¹⁹.

Поэтому, мы будем говорить только о лжи, которая должна быть запрещена правом и прежде всего о лжи в суде.

Тот, кто, считает допустимой ложь в суде, допускает победу неправды в суде, тем самым позволяя превращению лжеца в торжествующего злодея, при соучастии суда.

Надо отметить, что в цитируемой нами статье Канта также речь шла «о правдивости (честности) в показаниях. Каждый раз оговаривает это. Слово «показание» фактически является в статье термином, повторяемым на 4–5 страницах текста, по крайней мере, 10 раз. Оно, на мой взгляд, подобрано переводчиком очень точно, имея в виду, что это русское слово («показание») употребляется именно в юридическом, правовом аспекте (если, конечно, речь не идет о данных измерительных приборов). Термин, переведенный как «показание» в немецком оригинале обозначен тремя словами: «Deklaration», «Erklaerung», но чаще всего (в восьми случаях) «Aussage». Все они подразумевают публичные, официальные заявления, в особенности перед судом (о чем в одном месте кантовского текста говорится прямо). Это не просто высказывания, а именно показания, т.е. обязывающие высказывания, которые человек делает с сознанием ответственности и готовности отвечать за них»²⁰.

Допущение лжи в суде подрывает доверие к суду, к его способности выносить справедливые судебные акты. Суды, потеряв доверие, закономерно утрачивают легитимность²¹.

Соответственно, ложь вредна поскольку подрывает возможность выполнения функции правосудия.

Полагаем, что допущение лжи в судебном процессе противоречит самим основам правосудия. «Гражданский процесс является не

¹⁹ В. С. Соловьев Право и нравственность. Очерки прикладной этики//Антология российской естественно-правовой мысли. Том 2. М. 2019. С. 79.

²⁰ Гусейнов А.А. Что говорил Кант, или Почему невозможна ложь во благо?// Логос. №5. 2008. С. 116

²¹ Гаджиев Г.А. Закон «О Конституционном Суде РФ»: новеллы конституционного судопроизводства 2010 г. // Журнал российского права. 2011. №10. С. 25

зависящим от произвола; здесь действует неизменный закон, и произвол влияет на проявление закона только в частностях; всякие попытки организовать гражданский процесс в противность основному закону оказывались безуспешными...»²². «... закон, вытекающий из природы человека, неизбежно требующий удовлетворения своих потребностей, в дальнейшем неизбежно порождающей между людьми столкновения в области частно-правовых отношений, с другой стороны закон самосохранения государства, неизбежно требующий водворения спокойствия в правоотношениях граждан. Пока будет существовать государство, признающее личность человека – этот основной закон гражданского процесса будет оставаться неизменным, определяющим процесс законом»²³. Современные философы также обращают внимание на то, что «если краткосрочная цель правосудия в том, чтобы прервать конфликт,²⁴ то не состоит ли долгосрочная цель в том, чтобы восстановить социальные узы, положить конец конфликту, установить мир?»

Ложь, безусловно, является барьером в достижении этих целей. Вынесение несправедливого судебного решения, не основанного на правде, не способно сделать конфликтную ситуацию бесконфликтной. «Руководимая правдой личность отличается не только тем, что держится правил, исполняет обязанности и настойчива в правопритязаниях, но и тем, что берется не принимать фальши, даже если она узаконена»²⁵.

Вступление в силу судебного решения, основанного на лжи, по одному спору лишь порождает новый спор между теми же сторонами. Суды оказались завалены исками. Работая в перегрузке, суды порой стали относиться к рассмотрению дел более формально, решения их стали более поверхностными, не проникающими в суть конфликта. Некоторые же судьи, даже не пытаясь разрешить конфликт, по всей видимости, полагают, что это невозможно и что это не является целью

²² Малинин М.И. Теория гражданского процесса. Одесса. 1881. С.5.

²³ Указ. соч. С.8.

²⁴ Рикер. П. Справедливое. М. 2005. С. 259.

²⁵ Арановский К. В. Аксиология правды в русском мировоззрении и государственное право// Правоведение. С. 189

судебного процесса, стали озабочены лишь тем, как вынести решение, которое устояло бы в вышестоящих инстанциях²⁶.

Более того, в недрах судебной системы вновь проросло желание вообще не мотивировать судебные акты²⁷. Ранее в начале 20 века Н.В. Крыленко обосновывал тем, что мотивирование судебных актов, является обременительным для простых рабочих, посаженных народными судьями, что требование мотивирования не соответствует воззрению на суд, как на суд народной совести, что закон настолько доверяет судьям, что не требует объяснять почему тому или иному доказательству придана вера, или наоборот ее не придано²⁸.

Хотя, конечно же, сейчас инициаторы этого не указывают в качестве проблемы сложность написания мотивированных судебных актов, а указывают перегрузку судов.

Однако, мотивированность судебных актов **является одним из средств, посредством которого поддерживается доверие к нижестоящим и вышестоящим судам**²⁹. Юридическая сила суда в социальной реальности подтверждается качеством его решений, а не только критерием легальности³⁰.

Функцией мотивированного решения является продемонстрировать сторонам, что их выслушали³¹.

Возможно, «разрешение лжи в процессе» привело к потере у судов этой ценности процесса – зачем слушать ложь? Зачем ее описывать в судебном акте?

Таким образом, мы наблюдаем вначале допущение лжи в процессе, затем тотальное недоверие к сторонам, влекущее снижение

²⁶ Султанов А.Р. О проблеме мотивированности судебных актов через призму постановлений Европейского суда по правам человека// Международное публичное и частное право. 2008. N 2. С. 11-14.

²⁷Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 октября 2017 года № 30 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» http://vsrf.ru/Show_pdf.php?Id=11612

²⁸ Крыленко Н.В. Судостроительство Р.С.Ф.С.Р. Лекции по теории и истории судостроительства. М. 1924. С.78.

²⁹ Султанов А.Р. Мотивированность судебного акта как одна из основных проблем справедливого правосудия//Закон. 2014. № 8. С. 114-118.

³⁰ Гарапон А. Хранитель обещаний: суд и демократия. М. 2005. С.270.

³¹ Постановлении Европейского Суда по правам человека от 22 февраля 2007 г. Дело "Татишвили (Tatishvili) против Российской Федерации" (жалоба N 1509/02).

уважения к правам сторон, а потом деформацию правосудия, грозящее вообще перестать быть таковым³².

При этом материальное право относится отрицательно к лжи и обману. В.Ф. Яковлев - один из создателей Арбитражного процессуального кодекса РФ, отмечал, что «метод гражданского процессуального регулирования является продолжением гражданско-правовой позволительности»³³.

Наш Гражданский кодекс РФ предусматривает негативные правовые последствия равно как в ситуации с прямым обманом при заключении сделки (ст. 179 ГК РФ), при даче заверений (ст. 431.2 ГК РФ) и даже сокрытии информации (обмана путем умолчания) (ст. 179, ст. 431.2, ст. 10 ГК РФ).

Полагаем, что появление термин «заверение»³⁴ в какой-то степени обусловлено ранее нами упомянутым источником права - «fides».

Что не удивительно, поскольку «bona fides» произошло от «fides». И.Б. Новицкий, характеризуя принцип «bona fides», указывал: добросовестность или добрая совесть по этимологическому смыслу таит в себе такие элементы, как знание о другом, о его интересах; знание, связанное с известным доброжелательством; элемент доверия, уверенность, что нравственные основы оборота принимаются во внимание, что от них исходит каждый в своем поведении³⁵.

Очевидно, что принцип добросовестности не совпадает с запретом злоупотребления правом. Он шире, он не просто запрещает действия на причинение вреда. В частности, он предусматривает, что «при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, **учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая**

³² Султанов А.Р. Правосудие не может быть немотивированным!!! Закон. 2018. № 1.С. 38-49; Султанов А.Р. Упрощение судопроизводства, или по ком звонит колокол? //Вестник гражданского процесса. 2018. Т. 8. № 5. С. 79-102.

³³ Яковлев. В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений//Яковлев В.Ф. Избранные труды. Т.2., М.2012. С.89

³⁴ Заверение — Обнадеживающее заявление, уверение. Толковый словарь Ефремовой. Т. Ф. Ефремова.

³⁵ Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права//Вестник гражданского права. Т. 6. 2006. С. 124-181

необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию (ч. 3 ст. 307 ГК РФ)» .

Соответственно, положения 1 абз. ч. 2. ст. 41 АПК РФ, требующие от лиц, участвующих в деле добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами, не должно восприниматься лишь как прелюдия к абз. 2 ст. 2 ст. 41, гласящей, что злоупотребление процессуальными правами лицами, участвующими в деле, влечет за собой для этих лиц предусмотренные АПК РФ неблагоприятные последствия.

Развитие принципа добросовестности в гражданском праве должно серьезнейшим образом повлиять процессуальные кодексы и правоприменительную практику.

Принцип добросовестности не позволяет существованию «права на ложь». В процессуальном законодательстве и правоприменительной практике должны быть осуществлены изменения, которые бы обеспечивали бы эффективные средства от лжи в процессе.

Полагаем, что тренд на противодействие лжи в процессе уже заложен вначале в Определении Верховного Суда РФ от 11 марта 2021 г. N 306-ЭС20-16785(1,2), а затем Постановлением Пленума Верховного Суда РФ №46 от 23.12.2021 «О применении Арбитражного процессуального кодекса РФ при рассмотрении дел в суде первой инстанции».

В п. 2 указанного постановления Пленума Верховного Суда РФ разъяснено, что «непредставление или несвоевременное представление отзыва на исковое заявление, доказательств, уклонение стороны от участия в экспертизе, неявка в судебное заседание, а также сообщение суду и участникам процесса *заведомо ложных сведений об обстоятельствах дела* в силу части 2 статьи 9 АПК РФ может влечь для стороны неблагоприятные последствия, заключающиеся, например, в отнесении на лицо судебных расходов (часть 5 статьи 65 АПК РФ), в рассмотрении дела по имеющимся в деле доказательствам (часть 4 статьи 131 АПК РФ), оставлении искового заявления без рассмотрения (пункт 9 части 1 статьи 148 АПК РФ), *появлению у другой стороны спора*

возможности пересмотра судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам (пункт 1 части 2 статьи 311 АПК РФ)» (выделено авт.).

Много раз затрагивая в своих статьях проблему лжи в процессе, мы указывали, что поскольку противоречивое поведение и введение в заблуждение в гражданском праве запрещено³⁶, то и в арбитражном процессе такое поведение должно признаваться недопустимым³⁷. Мы убеждены, что решение, основанное на лжи, не является правосудным³⁸ и должно быть пересмотрено при выявлении фактов лжи³⁹. При этом сторона, сокрывшее ключевое доказательство, обманув суд, не вправе ссылаться на принцип правовой определенности⁴⁰.

В Определении Верховного Суда РФ от 11 марта 2021 г. N 306-ЭС20-16785(1,2) был отражен аналогичный подход: «ответчик не имел права возражать против процедуры пересмотра, ссылаясь на принцип правовой определенности, поскольку сам действовал недобросовестно, утаив от суда ключевые доказательства. Таким образом, имелись основания для пересмотра определения от 05.07.2018 по правилам пункта 1 части 2 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, а выводы судов об обратном являются ошибочными».

Данное Определение было положительно воспринято юридическим сообществом, однако его реализация на практике порой «разбивалось об камни» старого подхода, не допускавшего пересмотр

³⁶ Султанов А.Р. Жить не по лжи... пересмотр по вновь открывшимся обстоятельствам, как способ поддержания уважению к суду//Новый этап судебной реформы: Конституционные вызовы и возможности. М. 2020.

³⁷ Султанов А. Р. Жажда правосудия или жажда справедливости // Евразийский юридический журнал. 2009. № 11. С. 64-76; Султанов А. Р. Как повысить уважение к суду, или пересмотр возможен // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства. Вып. XIV. Казань, 2019. С.210-217.; Султанов А. Р. Ложь и правовая определенность // Вестник Гуманитарного университета. 2019. № 4 (27) С. 154-159;; Султанов А. Р. О лжи, добросовестности в материальном праве и гражданском процессе // Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики-2019. Ростов н/Д.; Таганрог, 2019; Султанов А. Р. О неконституционности толкования ст. 311 АПК РФ, не допускающего пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам при выявлении новых доказательств, скрытых от суда другой стороной // Вестник Гуманитарного университета. 2019. № 2 (25). С. 52-61; Султанов А. Р. Пересмотр решений суда по вновь открывшимся обстоятельствам и res judicata // Журнал российского права. 2008. № 11. С. 96-104; Султанов А. Р. Последствия лжи в процессе и материальном праве // Вестник гражданского процесса. 2019. № 5. С.230-262; Султанов, А. Р. Ложь, добросовестность в гражданском праве и процессе // Евразийская адвокатура. 2019.№ 5(42). С. 62-66.

³⁸ Султанов А.Р. Умышленное искажение обстоятельств дела стороной в цивилистическом процессе: юридические последствия и способы пресечения// Журнал российского права. 2020. №12. С. 135-146.

³⁹ Султанов А. Р. О возобновлении производства при выявлении новых доказательств, скрытых от суда другой стороной // Вестник гражданского процесса. 2019. № 4. С.236-249;

⁴⁰ Султанов, А. Р. Ложь и правовая определенность / А. Р. Султанов // Вестник Гуманитарного университета. – 2019. – № 4(27). – С. 154-159.

по вновь открывшимся обстоятельствам при наличии представления новых доказательств. Мы увидели, что суды зачастую квалифицируют доказательства, доказывающие ложь стороны, воспринимаются не как доказательства обстоятельства лжи стороны, а как новые доказательства по делу.

Ложь является юридическим фактом, выявление которой может послужить основанием для пересмотра судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам⁴¹.

Соответственно, представление доказательств о лжи стороны в процессе, не должно квалифицироваться как представление новых доказательств, поскольку вновь открывшимся обстоятельством будет установление процессуального злоупотребления правами – лжи, искажения, сокрытия фактических обстоятельств.

Надеемся, что разъяснение, содержащееся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дела в суде первой инстанции» будет способствовать направлению судебной практики в правильном направлении.

Надо отметить, что на начало 2022 практика применения правовых позиций, изложенных в Определении Верховного Суда РФ от 11 марта 2021 г. N 306-ЭС20-16785(1,2), допускающих пересмотр по вновь открывшимся обстоятельствам при сокрытии доказательств от суда, сталкивалась барьером в виде толкования п. 4. Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июня 2011 г. N 52 "О применении положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при пересмотре судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам", в котором разъяснялась необходимость проверки *«не свидетельствуют ли факты, на которые ссылается заявитель, о представлении новых доказательств, имеющих отношение к уже исследовавшимся ранее судом обстоятельствам. Представление новых доказательств не может служить основанием для пересмотра судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам по правилам главы 37 АПК РФ. В таком случае заявление о пересмотре судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам удовлетворению не подлежит»*.

⁴¹ Султанов А.Р. Ложь как процессуальный юридический факт// Вестник гражданского процесса. 2021.

Безусловно, невозможно доказать наличие вновь открывшегося обстоятельства в виде сокрытия доказательства без предоставления такого доказательства суду. К сожалению, суды ошибочно полагают, в качестве вновь открывшегося обстоятельства не ложь суду в виде сокрытия доказательств, а другие обстоятельства спора, которые обсуждались и оценивались без наличия сокрытого доказательства.

Те авторы, которые хотя и проводили исследование процедуры пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам, но не акцентировали внимания на проблемы «новых доказательств» в качестве основания для сохранения процедуры пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам приводят в качестве примера положения процессуальных кодексов зарубежных стран⁴²:

«Статья 593 Гражданского процессуального кодекса Франции к исключительным видам обжалования относит ревизию, цель которой отмена вступившего в законную силу судебного постановления для его повторного рассмотрения по существу - как по вопросам факта, так и по вопросам права. Как и другие исключительные способы обжалования, ревизия допускается только в случаях, прямо и исчерпывающим образом определенных в законе. Все они основаны на установленном факте обмана (fraude), когда уже после вступления в законную силу решения:

- **выяснится, что оно было вынесено под влиянием обмана, совершенного стороной, в пользу которой оно принято;**
- **были обнаружены имеющие значение для дела доказательства, которые скрывались стороной;**
- письменные доказательства и иные документы, на основе которого оно принято, признаны подложными;
- **заявления, свидетельские показания и присяги, на которых оно основывалось, признаны ложными.**

Во всех этих случаях ревизия допускается только тогда, когда заявитель не смог в отсутствие своей вины заявить основания, на которые он ссылался до вступления решения в законную силу.

⁴² Забрамная Н.Ю. Пересмотр судебных постановлений по вновь открывшимся или новым обстоятельствам в гражданском процессе. Дисс. канд. юрид. наук М. 2016. (Приложение №5)

В соответствии со статьей 323 Гражданского процессуального кодекса Италии пересмотр (ревизия) является одним из пяти способов обжалования судебных актов. Пересмотр судебного постановления является средством защиты от несправедливого судебного решения. Она направлена, с одной стороны, на отмену действия предполагаемого несправедливого решения, а с другой стороны - на замену этого решения новым. В статье 395 ГПК Италии исчерпывающе перечислены случаи, когда решение может быть пересмотрено: 1) **если к его принятию привели обманные действия одной из сторон**; 2) оно основано на подложных доказательствах; 3) **после принятия решения обнаружены документы, имеющие существенное значение для правильного разрешения дела**; 4) обнаружена ошибка в установлении фактических обстоятельств...

В соответствии с Гражданским процессуальным кодексом Венгрии возобновление дела по вновь открывшимся обстоятельствам наряду с ревизией относятся к экстраординарным правовым средствам. Возобновление дела представляет собой пересмотр фактической стороны дела; ревизия - проверку по вопросам права. Поскольку экстраординарные правовые средства применяются по отношению к решенному делу, для их применения должны иметься исключительные основания, имеющие ограниченный характер. Подача экстраординарной жалобы по общему правилу не приостанавливает исполнения оспариваемого судебного решения, однако суд вправе по ходатайству заинтересованной стороны приостановить исполнение до вынесения судебного акта по итогам рассмотрения жалобы.

Заявление о возобновлении дела по вновь открывшимся обстоятельствам может быть подано в отношении решения суда, вступившего в законную силу, в следующих случаях:

1) **стороной представлены факты, доказательства** либо имеющее обязательную силу решение суда или иного компетентного органа, которые не были учтены судом при рассмотрении дела, при условии, что если бы они были рассмотрены судом, это могло повлиять на разрешение спора в пользу стороны;

Возобновление дела по вновь открывшимся обстоятельствам как экстраординарное средство правовой (судебной) защиты связано с преодолением положения о *res judicata*, если суд, учитывая

приведенные выше основания, отменяет вступившее в законную силу постановление суда.

Для сравнения в английском праве существует запрет возражений по решенному делу (эстоппель), который может быть снят если появились новые доказательства, которые «полностью меняют дело в данном аспекте» при условии, что соответствующая сторона даже если бы она проявила «разумную осмотрительность», не могла обнаружить данные доказательства на момент более раннего разбирательства⁴³.

Таким образом, можно утверждать о наличии общего подхода в европейских странах, допускающего новые доказательства, когда сторона была лишена возможности их предоставить суду ранее, в связи сокрытием их другой стороной.

Более того, существует единообразная судебная практика Верховного Суда РФ согласно которой при оспаривании судебных актов конкурсными кредиторами и конкурсными управляющими при предоставлении ими новых доказательств такие жалобы необходимо рассматривать в судах апелляционной инстанции применительно к положениям о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам.

Так в Определении СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24 декабря 2015 г. N 304-ЭС15-12643 указал, что ...реализация арбитражным управляющим его права на обжалование судебного акта в порядке пункта 24 постановления N 35 с представлением новых доказательств должна осуществляться в специальном порядке, а именно, с учетом разъяснений, содержащихся в пункте 22 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации N 36⁴⁴. При этом данные разъяснения не препятствуют последовательному обжалованию судебного акта в случае, если имеется такая возможность, и обращающееся с жалобой

⁴³ Эндриус Н. Система гражданского процесса Англии. М. 2012. С.227.

⁴⁴ Пункт 22 Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 28 мая 2009 г. N 36 "О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции" закрепляет правило: в случае когда после рассмотрения апелляционной жалобы и принятия по результатам ее рассмотрения постановления суд апелляционной инстанции принял к своему производству апелляционную жалобу лица, не привлеченного к участию в деле, права и обязанности которого затронуты обжалуемым судебным актом (статья 42 АПК РФ), такую жалобу следует рассматривать применительно к правилам рассмотрения заявления о пересмотре судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам».

лицо ссылается только на неправильное применение норм права и иные обстоятельства, не требующие сбора, исследования и оценки доказательств».

В Определении Верховного Суда РФ от 21 февраля 2019 г. N 306-ЭС18-25654 определено, что «Поскольку Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации не имеет полномочий по сбору и оценке доказательств, такими полномочиями обладают только суды первой и апелляционной инстанций (статьи 65, 71, 162, 268 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации), данная кассационная жалоба подлежит рассмотрению судом апелляционной инстанции применительно к правилам рассмотрения заявления о пересмотре судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам при их доказанности заявителем (глава 37 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации). Аналогичная позиция содержится в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2015 N 304-ЭС15-12643».

Безусловно, это лишь первые, но уверенные шаги, по формированию практики, не приемлющей лжи в суде.

Мы очень надеялись, что Верховный Суд РФ пойдет в этом направлении еще дальше. По крайней мере, при обсуждении проекта постановления на Пленуме Верховного Суда РФ в докладе судьи А. Першутова прозвучало о необходимости корректировки подходов судов по вопросам фальсификации доказательств и о необходимости исключения подмены судами проверки заявления о фальсификации доказательств оценкой доказательств.

Такая декларация породила надежду, которая, к сожалению, не оправдалась, в Постановлении подтвержден прежний подход – рассмотрение фальсификацию лишь при наличии «материального подлога» и игнорирование «интеллектуального подлога» (когда содержание документа не соответствует действительности при соблюдении реквизитов документа): «В порядке статьи 161 АПК РФ подлежат рассмотрению заявления, мотивированные наличием признаков подложности доказательств, то есть совершением действий, выразившихся в подделке формы доказательства: изготовление документа специально для представления его в суд (например, несоответствие времени изготовления документа указанным в нем

датам) либо внесение в уже существующий документ исправлений или дополнений (например, подделка подписей в документе, внесение в него дополнительного текста). В силу части 3 статьи 71 АПК РФ не подлежат рассмотрению по правилам названной статьи заявления, касающиеся недостоверности доказательств (например, о несоответствии действительности фактов, изложенных в документе)».

Полагаем, что содержащееся в данном разъяснении противопоставление положений статьи 161 и статьи 71 АПК РФ, ошибочным. Полагаем, что ст. 161 АПК РФ лишь дополняет возможности, предоставленные суду ст.71 АПК РФ. Процедура рассмотрения заявления о фальсификации направлена на предоставление сторонам возможности одуматься и отозвать фальсифицированное доказательство, избавив тем самым суд от выяснения достоверности или фальсифицированности доказательства. Ведь в случае отказа стороны отозвать доказательство суд должен будет осуществить проверку достоверности доказательства, по результатам которой будет вывод о признании доказательства достоверным или фальсифицированным.

Поскольку фальсификация является публичным правонарушением, при осуществлении проверки суд обладает возможностью назначать экспертизу, требовать представления дополнительных доказательств. Однако, оценка доказательства, как достоверного или фальсифицированного осуществляется по правилам ст. 71 АПК РФ. В качестве метода оценки письменных доказательств применяется логический прием сравнения их между собой и с другими доказательствами по всем характеристикам: времени и условию происхождения, способу отражения сведений и хранения, глубине и точности изложения фактических обстоятельств, отсутствию противоречий между отдельными письменными доказательствами⁴⁵.

Считаем, что в арбитражном процессе не должно быть места лжи в любом ее виде. Однако зачастую арбитражные суды заявления о фальсификации доказательств с признаками «интеллектуального подлога» переквалифицируют в некое несогласие заявителя с выводами и данными, содержащимися в указанных документах. Это

⁴⁵ Треушников М.К. Судебные доказательства. М. 2021. С.258

является следствием игнорирования фальсификации доказательств в виде «интеллектуального подлога».

Необходимо учесть, что в АПК РФ само правонарушение в виде фальсификации не раскрыто и это естественно, поскольку запрет фальсификации установлен в Уголовном кодексе РФ. Соответственно, толкование термина «фальсификация» должно осуществляться во взаимосвязи с нормами Уголовного кодекса РФ.

В диспозициях ряда статей Уголовного кодекса РФ устанавливается уголовная ответственность за фальсификацию в виде «интеллектуального подлога»:

- ст.142.1 УК РФ - Фальсификация итогов голосования: «... предоставление заведомо неверных сведений об избирателях, участниках референдума, либо заведомо неправильное составление списков избирателей, участников референдума, ... заведомо неправильный подсчет голосов избирателей...»,

- ст.170.1 УК РФ - Фальсификация единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета: «предоставление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, или в организацию, осуществляющую учет прав на ценные бумаги, документов, содержащих заведомо ложные сведения...»,

- ст.172.1 УК РФ - Фальсификация финансовых документов учета и отчетности финансовой организации: «Внесение в документы и (или) регистры бухгалтерского учета и (или) отчетность (отчетную документацию)... заведомо неполных или недостоверных сведений о сделках, об обязательствах, имуществе организации, ... а равно подтверждение достоверности таких сведений, предоставление таких сведений в Центральный банк Российской Федерации, публикация или раскрытие таких сведений в порядке установленном законодательством Российской Федерации...».

Очевидно, что коль скоро фальсификация с точки зрения уголовного права включает в себя внесение в документы заведомо недостоверных (и даже неполных) сведений, то есть «интеллектуальный подлог», то заявление о фальсификации

доказательств в виде «интеллектуального подлога», может и должно рассматриваться в соответствии со ст.161 АПК РФ.

К сожалению, специалисты в области гражданского процесса крайне редко обращали внимание на «интеллектуальный подлог», но в этих редких работах интеллектуальный подлог рассматривается, как разновидность фальсификации⁴⁶.

Еще реже в судебной практике арбитражных судов можно встретить рассмотрение «интеллектуального подлога» в качестве фальсификации. Однако, в тех редких судебных актах, где данный вопрос решен положительно, имеется правильное понимание фальсификации:

«Фальсификация доказательств направлена на искажение действительных обстоятельств дела (сведений о фактах), содержащихся в доказательствах, в результате чего доказательство теряет свойство достоверности.

В соответствии с частью 1 статьи 161 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в случае, если лицо, участвующее в деле, обратится в арбитражный суд с заявлением в письменной форме о фальсификации доказательства, представленного другим лицом, участвующим в деле, суд разъясняет уголовно-правовые последствия такого заявления; исключает оспариваемое доказательство с согласия лица, его представившего, из числа доказательств по делу; проверяет обоснованность заявления о фальсификации доказательства, если лицо, представившее это доказательство, заявило возражения относительно его исключения из числа доказательств по делу.

В этом случае арбитражный суд принимает предусмотренные федеральным законом меры для проверки достоверности заявления о фальсификации доказательства, в том числе назначает экспертизу, истребует другие доказательства или принимает иные меры. Проверка заявления о фальсификации должна при наличии у суда соответствующих процессуальных возможностей обеспечивать, при необходимости, и выявление доказательств, сфальсифицированных посредством интеллектуального подлога (доказательств, характеризующихся правильной формальной стороной (наличием и правильностью всех реквизитов))».

Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 14.03.2016 № Ф09-317/16 по делу № А60-15952/2014

⁴⁶ Боннер А.Т. Проблемы установления истины в гражданском процессе. М, 2017. С.344; Афанасьев С.Ф. О праве на ложь в цивилистическом процессе и способах его нивелирования (в том числе с учетом электронных технологий) // Юрист. 2020. N 1. С. 22 – 28; Сеницын С.А., Долова М.О. Формы и правовые последствия фальсификации доказательств в арбитражном процессе (на примере дела о банкротстве) // Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики) / А.А. Аюрова; Е.Е. Баглаева; О.А. Беляева и др.; под ред. В.М. Жуйкова. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2019. Вып. 26.

«Кроме того, из содержания статьи 161 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации следует, что фальсификация представляет собой подделку либо интеллектуальный подлог письменных доказательств».

Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 17.03.2011 по делу № А53-13393/2010

«Установив, что договоры купли-продажи от 12.07.2017, от 22.06.2017 подписаны сторонами не в указанные в договорах даты, а также, что реквизиты индивидуального предпринимателя в договорах по состоянию на июнь и июль 2017 года не были присвоены ответчику и не могли быть известны сторонам суды пришли к выводу, который суд округа полагает обоснованным, о наличии интеллектуального подлога при заключения оспариваемых договоров».

Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 15.10.2021 № Ф02-4673/2021 по делу № А19-9064/2019

«Арбитражное процессуальное законодательство не содержит специального определения термина «фальсификация доказательств», поэтому при применении статьи 161 АПК РФ следует руководствоваться понятием, используемым в уголовном законодательстве.

Так, исходя из норм Уголовного кодекса Российской Федерации, под фальсификацией доказательств надлежит понимать искажение фактических данных, являющихся вещественными или письменными доказательствами, в том числе внесение в документы заведомо ложных сведений (их подделка, подчистка), уничтожение вещественных и иных доказательств, составление полностью поддельного доказательства. Предметом фальсификации могут быть как официальные документы, так и письменные доказательства, исходящие от частных лиц. Фальсификация письменных и вещественных доказательств может производиться в различных формах: путем интеллектуального подлога, предполагающего изначальное составление (создание) доказательства, не соответствующего по содержанию действительности, ложного по существу; путем материального подлога, означающего изменение изначальное подлинного доказательства путем удаления части сведений и (или) дополнения его сведениями, не соответствующими действительности.

Процессуальный институт проверки заявления о фальсификации доказательств применяется для устранения сомнений в объективности и достоверности доказательства, положенного в основу требований или возражений участвующих в деле лиц, в отношении которого не исключена возможность его изготовления по неправомерному усмотрению заинтересованного лица».

Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 19.08.2021 № Ф03-4142/2021 по делу № А51-23933/2019.

Рассмотрение арбитражными судами заявлений участников спора о фальсификации доказательств в виде «интеллектуального подлога», призвано исключить представление в суд доказательств с недостоверным содержанием. Редакция пункта 38 в проекте Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации,

упоминающая о фальсификации доказательств только в виде «материального подлога», фактически исключает из практики «интеллектуальный подлог», что в свете вышеприведенного нельзя признать правильным.

Уклонение суда от проверки содержания доказательства, в отношении которого сделано заявление о фальсификации, безусловно, увеличивает риск вынесения решения суда на ложных данных и тем самым отклонения от целей правосудия. Таким образом, правильное истолкование «интеллектуального подлога» должно быть обязательным шагом по искоренению лжи в процессе.

Следующим шагом может быть обучение судейского состава по более активному использованию возможности вынесения частных определений в отношении лиц, которые фактически мешают отправлению правосудия, скрывая документы, не исполняя определения судов, фальсифицируют доказательства

В соответствии со ст. 188.1 АПК РФ, при выявлении в ходе рассмотрения дела случаев, требующих устранения нарушения законодательства Российской Федерации государственным органом, органом местного самоуправления, иным органом, организацией, наделенной федеральным законом отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностным лицом, адвокатом, субъектом профессиональной деятельности, арбитражный суд вправе вынести частное определение⁴⁷.

Султанов Айдар Рустэмович, адвокат, кандидат юридических наук, Заслуженный юрист Республики Татарстан, Руководитель Представительства Пепеляев групп в Республике Татарстан a.sultanov@pgplaw.ru

Россия: 125047, г. Москва, ул. 3-я Тверская-Ямская, д. 39, стр. 1

Sultanov Aydar R., PhD in Law, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan
Head of Representative Office Pypeliaev group in Tatarstan

⁴⁷ <https://probankrotstvo.ru/expert-pro/praktika-primeneniia-instituta-castnyx-opredelenii-v-bankrotstve-1903>

Приложение:

- 1) И.Кант. Трактаты и письма. М., 1980. С. 232-237.

О мнимом праве лгать из человеколюбия (1797)

В журнале «Франция в 1797 году», шестой выпуск, № 1, в статье Бенжамена Констана о политических столкновениях на стр. 123 сказано следующее:

«Нравственное правило, будто говорить правду есть наш долг – если его взять безусловно и в отдельности, – делало бы невозможным никакое общество. Доказательство этого мы имеем в тех непосредственных выводах из этого положения, которые сделал один немецкий философ; он дошел до того, что утверждает, будто солгать в ответ на вопрос злоумышленника, не скрылся ли в нашем доме преследуемый им наш друг, – было бы преступлением» (1).

Французский философ на стр. 124 опровергает это положение следующим образом: «Существует обязанность говорить правду. Понятие обязанности неотделимо от понятия права. Обязанность есть то, что у каждого отдельного существа соответствует правам другого. Там, где нет права, нет и обязанности. Таким образом, говорить правду есть обязанность, но только в отношении того, кто имеет право на такую правду, которая вредит другим».

Proton pseydos заключается здесь в следующем положении: Говорить правду есть обязанность, но только в отношении того, кто имеет право на правду.

Прежде всего следует заметить, что выражение: иметь право на правду – лишено смысла. Скорее надо бы сказать, что человек имеет право на свою собственную правдивость (*veracitas*), т. е. на субъективную правду в нем самом. Ибо объективно иметь право на какую-нибудь правду – это значило бы допустить, что здесь, как вообще при различении «моего» и «твоего», от нашей воли зависит, чтобы известное положение было истинно или ложно; это была бы очень странная логика.

Первый вопрос: имеет ли человек право быть неправдивым в тех случаях, когда он не может уклониться от определенного «да» или «нет»? Второй вопрос: не обязан ли человек в показании, к которому

его несправедливо принуждают, сказать неправду, с тем чтобы спасти себя или кого другого от угрожающего ему злодеяния?

Правдивость в показаниях, которых никак нельзя избежать, есть формальный долг человека по отношению ко всякому (2), как бы ни был велик вред, который произойдет отсюда для него или для кого другого; и хотя тому, кто принуждает меня к показанию, не имея на это права, я не делаю несправедливости, если искажаю истину, но все-таки таким искажением, которое поэтому должно быть названо ложью (пусть не в юридическом смысле), я нарушаю долг вообще в самых существенных его частях: т.е. поскольку это от меня зависит, я содействую тому, чтобы никаким показаниям (свидетельствам) вообще не давалось никакой веры и чтобы, следовательно, все права, основанные на договорах, разрушались и теряли свою силу; а это есть несправедливость по отношению ко всему человечеству вообще.

Таким образом, определение лжи, как умышленно неверного показания против другого человека, не нуждается в дополнительной мысли, будто ложь должна еще непременно вредить другому, как этого требуют юристы для полного ее определения (*mendacium est falsiloquium in praejudicium alterius*). **Ложь всегда вредна кому-нибудь, если не отдельному лицу, то человечеству вообще, ибо она делает негодным к употреблению самый источник права.**

Но и эта добродушная ложь вследствие какой-нибудь случайности (*casus*) может подлежать наказанию и по гражданским законам; а то, что только в силу случайности избегает наказания, может быть рассматриваемо и публичными законами как правонарушение. Например, если ты своею ложью помешал замышляющему убийство исполнить его намерение, то ты несешь юридическую ответственность за все могущие произойти последствия. Но если ты остался в пределах строгой истины, публичное правосудие ни к чему не может придраться, каковы бы ни были непредвиденные последствия твоего поступка. Ведь возможно, что на вопрос злоумышленника, дома ли тот, кого он задумал убить, ты честным образом ответишь утвердительно, а тот между тем незаметно для тебя вышел и, таким образом, не попадетсся убийце, и злодеяние не будет совершено; если же ты солгал и сказал, что его нет дома, и он действительно (хотя и незаметно для тебя) вышел, а убийца встретил его на дороге и совершил преступление, то ты с полным правом можешь быть привлечен к

ответственности как виновник его смерти. Ибо, если бы ты сказал правду, насколько ты ее знал, возможно, что, пока убийца отыскивал бы своего врага в его доме, его схватили бы сбежавшие соседи и злодеяние не было бы совершено. Итак тот, кто лжет, какие бы добрые намерения он при этом ни имел, должен отвечать даже и перед гражданским судом и поплатиться за все последствия, как бы они ни были непредвидимы; потому что правдивость есть долг, который надо рассматривать как основание всех опирающихся на договор обязанностей, и стоит только допустить малейшее исключение в исполнении этого закона, чтобы он стал шатким и ни на что не годным.

Таким образом, это – священная, безусловно повелевающая и никакими внешними требованиями не ограничиваемая заповедь разума: во всех показаниях быть правдивым (честным).

Здесь представляется благонамеренным и вместе с тем правильным следующее замечание г. Констанана о преувеличенном восхвалении таких строгих, будто бы теряющихся в ряде невыполнимых идей, а значит – и негодных положений: «Каждый раз (говорит он на 123 стр., внизу), когда положение, истинность которого доказана, кажется неприменимым, это происходит оттого, что мы не знаем некоторого посредствующего положения, которое включает в себе способ к применению первого положения». Он приводит при этом (на стр. 121) учение о равенстве, как первом из тех звеньев, из которых составляется цепь общественной жизни, «будто (стр. 122) человек не может быть связан никакими другими законами, кроме тех, в установлении которых он сам принимал участие. В небольшом, тесно сплоченном обществе, это положение может быть применяемо непосредственным образом и не нуждается ни в каком посредствующем положении для того, чтобы стать привычным. Но в очень многолюдном обществе к нему нужно присоединить новое положение, которое мы здесь и приведем. Это посредствующее положение говорит, что отдельные лица могут принимать участие в установлении законов или лично, или через своих представителей. Тот, кто захотел бы первое положение применить к многолюдному обществу, не принимая во внимание посредствующего положения, несомненно, привел бы общество к гибели. Однако это обстоятельство, которое свидетельствовало бы только о невежестве или неловкости законодателя, отнюдь не опровергало бы первого положения». На стр. 125 он заключает следующими словами: «Таким

образом, от положения, признанного истинным, никогда не следует отступать, какая бы видимая опасность при этом ни угрожала». (И однако, этот прекрасный человек сам отказался от безусловного требования правдивости из-за той опасности, которой оно будто бы угрожает обществу, потому что он не мог найти никакого посредствующего положения, которое защищало бы от этой опасности; да здесь и в самом деле никакого такого положения нельзя указать.)

Сохраняя те же имена, которые приводятся в статье, скажу, что «французский философ» смешивает то действие, которым человек вредит (*nocet*) другому, говоря истину, признания которой он не может избежать, и то, которым он причиняет другому несправедливость (*laedit*). Это была только чистая случайность (*casus*), что правдивость показания повредила обитателю дома, это не было свободным действием (в юридическом смысле). Ибо из права требовать от другого, чтобы он лгал для нашей выгоды, вытекало бы притязание, противоречащее всякой закономерности. Напротив, каждый человек имеет не только право, но даже строжайшую обязанность быть правдивым в высказываниях, которых он не может избежать, хотя бы ее исполнение и приносило вред ему самому или кому другому. Собственно, не он сам причиняет этим вред тому, кто страдает от его показания, но случай. Ибо сам человек при этом вовсе не свободен в выборе, так как правдивость (если уж он должен высказаться) есть его безусловная обязанность. – Таким образом, «немецкий философ» не примет за основное следующее положение (стр. 124): «говорить правду есть обязанность, но только по отношению к тому, кто имеет право на правду», – во-первых, вследствие его неточной формулировки, ибо истина не есть владение, право на которое предоставляется одному и отнимается у другого, а во-вторых, в особенности потому, что обязанность говорить правду (о которой здесь только и идет речь) не делает никакого различия между теми лицами, по отношению к которым нужно ее исполнять, и теми, относительно которых можно и не исполнять; напротив, это безусловная обязанность, которая имеет силу во всяких отношениях.

Для того, чтобы перейти теперь от метафизики права (совершенно отвлеченной от всяких условий опыта) к основному положению политики (которая прилагает понятия к фактам опыта) и с его помощью достигнуть разрешения задач политики сообразно с общим принципом права, философ должен: 1) найти аксиому, т.е.

аподиктически достоверное положение, которое вытекало бы непосредственно из определения публичного права (согласование свободы каждого со свободой всех остальных по общему закону); 2) выставить требование (постулат) внешнего публичного закона, как объединенной по принципу равенства воли всех, без которой свобода невозможна ни для кого; 3) поставить проблему о том, как устроить, чтобы даже и в большом обществе поддерживалось согласно на основе свободы и равенства (именно посредством представительной системы); это и будет основным положением политики, и ее осуществление и применение будет содержать в себе постановления, которые, вытекая из опытного познания человека, будут иметь в виду только механизм правового управления и его целесообразное устройство. Не право к политике, но, напротив, политика всегда должна применяться к праву.

Автор статьи говорит: «Положение, признанное истинным (прибавлю, признанное a priori, значит, аподиктическое) никогда не должно быть отвергаемо, какая бы мнимая опасность при этом ни встречалась». Только здесь следует понимать не опасность повредить кому-нибудь (случайно), а опасность вообще совершить несправедливость, что и случится, если я обязанность говорить правду, которая совершенно безусловна и в свидетельских показаниях сама является высшим правовым условием, стану считать условной и подчиненной другим точкам зрения. И хотя бы я той или другой ложью в действительности никому не причинял несправедливости, однако я все-таки вообще нарушаю правовой принцип относительно необходимых и неизбежных показаний (значит, formaliter, хотя и не materialiter, делаю несправедливость), а это гораздо хуже, чем совершить по отношению к кому-нибудь несправедливость, потому что такой поступок не всегда предполагает в субъекте соответственный этому принцип.

Тот, кто обращенный к нему вопрос: желает ли он или нет быть правдивым в предстоящем ему показании? не примет с негодованием на высказываемое в этих словах подозрение, будто он может быть лжецом, а напротив, – попросит позволения сначала подумать о возможных исключениях, тот уже лжец (in potentia), ибо он этим показывает, что он не признает, что правдивость сама по себе есть долг, но оставляет за собой право на исключения из такого правила, которое по самому существу своему не допускает никаких исключений, потому что исключениями-то как раз оно себе и противоречит.

Все практически-правовые основоположения должны заключать в себе строгие истины, а те, которые здесь названы посредствующими, могут содержать в себе только ближайшее определение приложения этих истин к представляющимся случаям (по правилам политики), а никак не исключения из них, ибо исключения уничтожили бы тот характер всеобщности, ради которого только эти истины и получили название основоположений.

(1)* «И.Д.Михаэлис в Геттингене еще раньше Канта высказал это странное мнение. А то, что философ, о котором в этом месте идет речь, есть Кант, сказал мне сам автор статьи».

К.Фр.Крамер **

** Признаю, что это действительно было мною высказано в каком-то месте, которого я, однако, теперь не могу вспомнить.

И.Кант

(2)Здесь я не могу довести свое положение до такой остроты, чтобы сказать: «Неправдивость есть нарушение обязанности к самому себе». Ибо оно относится уже к этике; а здесь речь идет о правовой обязанности. Учение о добродетели видит в этом нарушении только полную негодность, обвинение в которой лжец на себя навлекает.